Бритаева А.Б.**Проблемы экологии как объект художественного осмысления в осетинской детской литературе (на материале повести В.Гаглыева «О чем плакал горный родник»)**

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева
ВНЦ РАН и Правительства РСО-А
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/trnio-12-2021-265

Аннотация

На материале сказки-повести В. Гаглыева «О чем плакал горный родник» рассматривается художественное отображение экологических проблемы в осетинской детской литературе. Акцент делается на многослойности идейного содержания, а также на использовании автором образов-символов. Актуальность статьи обусловлена не изученностью жанра повести в осетинской детской литературе.

Ключевые слова: осетинская детская литература, природоведческая литература, научно-познавательная литература, образы-символы, родник, лес.

Abstract

Based on the material of V. Gagloev's fairy tale-novella "What the mountain spring cried about", the artistic representation of environmental problems in Ossetian children's literature is considered. The emphasis is on the layering of the ideological content, as well as on the author's use of images-symbols. The relevance of the article is due to the lack of knowledge of the genre of the story in the Ossetian children's literature.

Keywords: Ossetian children's literature, natural history literature, scientific and educational literature, images-symbols, a spring, a forest.

Тема экологии стала волновать думающих, равнодушных людей не только в последние годы. Проблемы бездумного вмешательства в гармоничный мир природы будоражат умы с началом осушения земель, изменения направления рек, распахивания лугов, вырубки лесов. Человек будто пытался доказать Природе, что он хозяин всего. Но эйфория от достижений длилась недолго. Природа не прощает бездумности – важна каждая маленькая пичужка, каждый жучок, даже маленький, только что пробившийся росток. Все в природе взаимосвязано: исчезновение одного звена в четко выстроенной цепи влечет небывалые катастрофы. Каждое необдуманное действие имеет последствия, которые изменяют будущее всех последующих поколений. Сегодня мы пожинаем плоды этих необдуманных действий.

Именно из-за своей важности, актуальности тема экологии привлекательна для художников слова. Осетинская литература, конечно же, не является исключением. Многих авторов привлекает «природоведческая сказка». Она встречается в творчестве Г. Чеджемова, М. Дзасохова, А. Хамицева, Ч. Айларова, А. Царукаева, Р. Тотрова, Л. Валиева и других. Но наиболее остро все вышеперечисленные проблемы поставлены в произведении В. Гаглыева «О чем плакал горный родник» [1].

Произведение отличается усложненной композицией, многослойностью идейного содержания. Неоднозначна даже его жанровая принадлежность: при первом издании (1960 г.) в журнале «Фидиуэг» жанр был определен автором как цикл рассказов, позже, при выходе отдельной книгой – повесть (тоже прижизненное издание), а в 2009 году это произведение было отнесено к жанру литературной сказки [2; 3, 127]. По сути – это сказочная повесть, состоящая из глав-рассказов с четко выраженной экологической тематикой. Но за проблемами экологическими всегда стоят проблемы нравственные. А если быть точнее – они первичны.

Художественное повествование состоит из тринадцати рассказов, в которых в сказочной форме повествуется о гармонии природы в «лесном государстве», о роли природы в жизни человека и роли человека в природе – как созидательной, так и разрушительной. О чем же конкретно идет речь? О том, как лес спас пшеничное поле от засухи, задержав дождевые тучи своими кронами; о том, как родился горный родник; о роли воды в природе и в жизни человека; о том, как люди варварски относятся к лесу; о том, что в природе нет ничего случайного: все в ней взаимосвязано и обусловлено. Все это написано в занимательной, сказочной форме, с употреблением приемов антропоморфизма.

Поскольку речь идет о природоведческой литературе, то нельзя не вспомнить В.В. Бианки. Исследователь его творчества В.П. Аникин высказывался о своеобразии творческого почерка писателя: «Сказка для поэта средство поэтизации реальных явлений жизни. Таков смысл использования сказочных образов, тем и форм в его творчестве. Вместе с писателем читатель вступает в живой, чудесный, сказочный мир природы. В нем все живо, все дышит правдой, все реально и сказочно, как в настоящей жизни. В. Бианки умеет сочетать научную достоверность с поэтическим воодушевлением – редкое и счастливое качество писателя, работающего в так называемом жанре познавательной сказки» [4, 244]. В полной мере эти слова могут быть отнесены к сказке В. Гаглоева – произведению, в котором звучит мотив разумного хозяйствования, бережного отношения к лесным богатствам. Писатель предостерегает от излишнего вторжения человека в мир природы, способного разрушить существующие в нем живые взаимосвязи и часто приводящего к трагической развязке.

Своеобразие произведения в том, что в нем удачно сочетаются элементы сказочные, фантастические и сведения, основанные на точных знаниях, науке о природе. Весь познавательный материал достоверен, ребенок многое в нем почерпнет для себя. Ценность даваемых знаний увеличивается формой подачи: сказочным сюжетом, композицией.

Г. Гроденский, анализируя творчество В. Бианки, отметил, что, несмотря на сложность сочетания научного материала с «антинаучным» антропоморфизмом, писатель весьма успешно применяет этот прием, присущий народной сказке. «Антропоморфизм в научной сказке (как в любой народной сказке) – это художественный литературный прием. Если он не извращает сущности биологического явления, не разрушает научной точности познавательного материала сказки, он закономерен и оправдан», – пишет исследователь [5]

В. Гаглоев выступил в этом произведении как блестящий популяризатор знаний о природе. Цикл рассказов В. Гаглоева является кладезем знаний о законах природы, о жизни, органично передаваемых в сказочной манере повествования. Автор рисует реалистичные образы обитателей леса и мифические – явлений природы. Например, в одном из рассказов, разгул стихий представлен как единоборство неких фантастических сил: ветер явлен в виде страшного дымообразного безногого и одноглазого существа с белой бородой и серыми крыльями, а Дух, Сила и Мощь Леса – в виде огромного зеленого великана. Человек стал свидетелем борьбы этих мифических сил. Дух Леса одолел засушливого Ветра и загнал его обратно в пещеру. Лесной великан поведал недоумевающему человеку, что когда-то, когда на Земле еще не было ничего, между небом и землей властвовал лишь этот ветер-суховея. Но потом появился Свет, а следом за ним Жизнь. И завязалась борьба между Жизнью и Смертью. Жизнь победила, Ветер испугался и спрятался в пещере. Но при каждом удобном случае он пытается вырваться оттуда и погубить все живое, и только Лес может противостоять ему. Люди поклялись не вырубать леса, стали называть их заповедными. «Но прошли времена, один век сменялся другим. Среди людей появились те, кто забыл о данной клятве и поднял топор на заповедные леса» [1, 282].

Все познавательные сведения автор вкладывает в уста самих обитателей леса. Так, из истории, рассказанной старой чинарой своим дочерям, открывается, что было на земле до появления человека; какие обитатели населяли лес и что потом с ними стало; как изменился мир с существованием человека; что благодаря лесу человек научился добывать огонь, выбрался из пещеры и начал строить из дерева дома, обогревать свое жилище, изготавливать мебель, домашнюю утварь, а со временем – даже бумагу, что лес спасает посевы от засухи и

т.д. Дети черпают также знания о роли воды в природе и в жизни человека, узнают, как на воде строят гидроэлектростанции и как получают электричество и многое другое.

В повести зримо воссоздается действие «закона круговорота» в природе. Например, в сюжете «Маергътае фæлыгъдысты дыргъдонæй» («Птицы покинули сад») сказочными средствами рисуется причинно-следственная цепочка. Мальчишки стали разорять гнезда, истреблять птиц в колхозном саду. Птицы договорились покинуть сад и перебраться в лес. Но тут началось страшное: воспользовавшись отсутствием пернатых, повылазили отовсюду вредители леса: разные жучки, гусеницы и стали поедать листья, подтачивать ветви, корни деревьев. Сад заболел, обессиленные ветви не выдерживали обильного урожая плодов и стали обламываться. Финал произведения выносит тяжкий приговор жадности и бездумности человека. Писатель напоминает вновь и вновь, что все в природе взаимосвязано.

«Вторая половина XX века резко сместила акценты, поставив человечество перед необходимостью пересмотреть основы своих взаимоотношений с природой. Никогда раньше воздействие на природу не приводило к таким изменениям в ней и не оказывало такого сильного влияния на жизнь общества, никогда раньше последствия взаимодействий не приобретали такого глобального характера, как в наше время» [6].

Если немного отвлечься от экологической направленности произведения, то явственно проступает другой, более глубокий пласт – через экологические проблемы поднимаются философские, этические вопросы. Здесь и тема неблагодарности, тема доверия и веры, ответственности перед будущим...

Произведение изобилует символами – это и лес, и родник, и топор...

К примеру, **родник** («суадон» – осет.) — этот символ, который ассоциируется с источником жизненной силой, с духовностью. В древности родник наделяли волшебными свойствами и поклонялись ему, как божеству: бросать мусор в родник, плевать в него – считалось большим грехом. В осетинском языке со словом родник связаны такие устойчивые выражения: «ныфсдæттæг суадон», «тыхдæттæг суадон» – источник, дающий силу, надежду, укрепляющий веру. Суадон – источник, родник, ключ – одна из ярчайших репрезентаций мифологемы воды в осетинском эпосе [7, 111]. Народная мудрость гласит: родник – это не просто источник питьевой воды, это – живая нить, связывающая нас не только с прошлым, но и с будущим.

«Все национальные литературы народов Кавказа в своем развитии пережили практически одни и те же процессы и этапы становления. Поэтому в них легко обнаруживается сходство тем и мировосприятия, близость образных систем, а также одинаковое эстетическое влияние фольклора и мировой литературы. Символы (родник, топор) трактуются идентично» [6]. У Гаглыева, как и в произведении балкарского драматурга И. Маммева «Раненый тур», топор – это символ жестокости, бездушия, злой силы. А образ иссыхающего родника, ручейка олицетворяет у обоих авторов надвигающуюся беду. «Современные балкарские авторы смело обращаются к символическим образам, способствующим более полному воссозданию действительности и философизации изображаемых реалий» [8]. Это относится и к осетинским художникам слова.

Лес у Гаглыева – это целый мир, со своими законами, правилами. И когда топор уничтожает лес, деревья недоумевают: как же так, ведь он им не чужой – рукоять топора ведь тоже из дерева. Понятия «свой», «чужой» оказываются относительны. Последняя надежда леса – Человек. Поначалу лес не соотносит действия топора с человеком. Для него топор – зло, человек – добро, справедливость. Но и эта надежда потеряна. Мир людей, разрушивший лесное царство, абсолютно чужд сказочному нравственно-эстетическому идеалу. И дело даже не в том, что несовместимыми оказываются философия сказочного леса и грубый расчет человека. Лес вовсе не против того, чтобы послужить человеку; он осознает и понимает неизбежность того, что человек будет пользоваться им для своих хозяйственных нужд. Но пользоваться, восполняя запасы леса, и бездумно вырубать лес, уничтожать все живое, не думая о завтрашнем дне, – это разное.

«Лесная символика принадлежит к фундаментальным образам-мифологемам, которые уходят своими корнями в глубокую древность. Они сформировали семантическое ядро образа-символа дерева и получили своеобразное преломление в литературе. В основе мифопоэтических представлений многих народов лежит символ мирового древа, организующего своими корнями и ветвями структуру мироздания. Это важнейший и почти повсеместно распространенный символ, в котором архаическая культура выражает свое видение мира и человека в нем» [9].

Очень богат язык произведения: много эпитетов, метафор, необычных сравнений. Живописны пейзажные зарисовки. Например, во втором рассказе цикла «Хъæд райхъал» («Лес проснулся») перед нами предстает удивительная картина утреннего леса, пробуждение его под первыми солнечными лучами.

Как видим, в произведении В. Гаглыева гармонично переплетаются познавательное и эстетическое начала. Цикл пронизан нежной любовью ко всему живому, а образ леса является для автора символом абсолютной эстетической меры. Обитатели сказочного царства – плоть от плоти живой и прекрасной природы. Они для леса все равно, что дети для матери. Каждой метафорой, каждой своей фразой повествователь убеждает нас в том, что природа изначально зиждется на гармонии, что лес – это живой организм, в нем нет ничего неживого. У каждого из лесных обитателей есть свой характер, своя судьба, и есть персонифицированная живая душа лесного мира, возникающая в сказках В. Гаглыева на пересечении народного фольклорного антропоморфизма и современного поэтического видения. «Художественное сознание осетинского народа характеризуется мифологическим типом восприятия, что прослеживается и в литературном творчестве, находящемся под значительным влиянием мифологической и фольклорной поэтики. Важной задачей является установление динамики проявления в литературном дискурсе разных форм мифологических заимствований, в том числе мифологического образостроения, сюжетостроения, использование мифологических мотивов, реминисценций, аллюзий и пр.» [10]

В своем сказочном цикле В. Гаглов подводит читателя к выводу о всеобщем неблагополучии и, прежде всего, о глубоком кризисе в духовном мире человека. Эстетический закон природного бытия формулируется в этом произведении и как нравственный закон жизни, высказывается он устами мифологического образа Духа леса: «Забыл человек, что нет ему жизни без этой чинары, без этих заповедных лесов». Художественный мир сказки, обогащенный мифологическими образами и реальными знаниями, выступает у В. Гаглыева как наиболее яркое, полное образное воплощение органичной мифопоэтической философии жизни.

Таким образом, удачное сочетание занимательного, познавательного и художественного аспектов в осетинской природоведческой сказке отвечает специфике детского восприятия и служит важной цели: воспитания любви и уважения к природе. Не вмешиваться; помогать – но помогать бережно, зная, с чем имеешь дело. Проблемы экологии являются ключевыми в произведении В. Гаглыева. Автор с болью в сердце, с тревогой пишет о неблагоприятном воздействии цивилизации на окружающую среду, об исчезновении птиц в лесах, о высыхающих родниках, о вырубке лесов. Он выступает сторонником нравственности, воспитанной на знаниях о природе, ответственности за нее.

1. Гаглойты В. Цæуыл куыдта хæххон суадон (О чем плакал горный родник). В кн.: Антология осетинской литературной сказки
2. Владикавказ, 2010. С. 271-300.
3. Бритаева А.Б. Традиции В.В. Бианки в творчестве осетинских детских писателей // Известия СОИГСИ. 2018. № 30 (69). С. 130-138.
4. Бритаева А.Б. Осетинская литературная сказка: становление и развитие. Владикавказ, 2009. 151с.
5. Аникин В.П. Сказки В. Бианки и фольклор. // Русский фольклор: Материалы и исследования. Кн. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 243-259.
6. Гроденский Г. Виталий Бианки. – М.: Гослитиздат, 1954. – 62 с.

7. Кабулова Г.С. Художественное отражение природы в осетинской поэзии. Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2009. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-otrazhenie-prirody-v-osetinskoi-poezii>
8. Дарчиева М.В. Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах. Владикавказ, 2017. 349 с.
9. Сарбашева (Гузиева) А.М., Болатова (Атабиева) А.Д. О специфике символических обобщений в национальной балкарской литературе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 1. С. 54-58. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-simvolicheskikh-obobscheniy-v-natsionalnoy-balkarskoy-literature/viewer>
10. Камалов Р.М. Образ леса в русской философской поэзии
11. Лесотехнический журнал. 2012. № 2 (6). С. 167-173.
12. Кусаева З.К. Мифо-фольклорные традиции в осетинской литературе // Фундаментальные исследования. 2013. № 4-4. С. 1005-1010.

Вишневецкая В.В.

**Акцентирование образности в портретизации персонажа (на материале произведений
Т. М. Риды)**

*Новороссийский политехнический институт (филиал) КубГТУ
(Россия, Новороссийск)*

doi: 10.18411/trnio-12-2021-266

Аннотация

Описание внешности персонажа художественных текстах обычно анализируется с лингвистической точки зрения в рамках проблемы формирования образа и его художественности. Многие писатели и философы отмечают, что существует важность проблемы изучения художественного образа и его категории образности. Современные исследования по-разному трактуют понятия образа и образности, так как сложность проблемы заключается в неоднозначности самого понятия. Образность изучается с разных научных точек зрения, опираясь на специфику научного направления, например: психология, литературоведение, философия, эстетика, языкознание и другие.

Ключевые слова: категория образности, персонаж, художественный текст, фразеологизмы, языковые единицы.

Abstract

The description of a character appearance in literary texts is usually analyzed from a linguistic point of view within the framework of the problem of image formation and its artistry. Many writers and philosophers note that there is an important problem of studying the artistic image and its category of imagery. Modern research interprets the concepts of image and imagery differently, since the complexity of the problem lies in the ambiguity of the concept itself. Imagery is studied from different scientific points of view, based on the specifics of the scientific field, for example: psychology, literary studies, philosophy, aesthetics.

Keywords: category of imagery, character, artistic text, phraseological units, language units.

Введение

Описание внешности персонажа художественных произведений обычно анализируется с лингвистической точки зрения в рамках проблемы формирования образа и его художественности. Многие писатели и философы отмечают, что существует важность проблемы изучения художественного образа и его категории образности.

Однако, современные исследования по-разному трактуют понятия образа и образности, так как сложность проблемы заключается в неоднозначности самого понятия. Образность изучается с разных научных точек зрения, опираясь на специфику научного направления, например: психология, литературоведение, философия, эстетика, языкознание и другие.